

К 100-летию начала Первой мировой войны

Продолжение.
Начало в № 3**ГЛАВА 1****Накануне**

Балаково городом был небольшим. И, несмотря на большое количество каменных домов и огромные торговые обороты, жил и сельской жизнью. Во многих крестьянских дворах водилась кое-какая живность, чаще всего коровы-кормилицы. От их существования некоторые представители городской интеллигенции испытывали некоторое беспокойство. Летом особенно раздражал ранний выход крестьянского стада на выпас.

«Едва рассветёт, как слышится звук, напоминающий пушечную пальбу, – это торжественное выступление водителя наших стад! – писал в «Заволжье» доктор Бернштейн. – Пастуху здешнему неизвестно, что бывают, например, рокки, мелодичным звуком которых владимирские коллеги его вызывают стада! Нет, он хлопает так бичом, что «встают улысоголовоса», покойники падают из гробов, а живые из постелей, и с эпилептиками делаются припадки, а у беременных – выкидыши».

Нарушали покой горожан иочные сторожа. Всё тот же Бернштейн называл их «одной из язв глухих захолустий»:

«Те из балаковских обывателей, которые обречены летом жить в городе, – а таких 99%, – с ужасом ждут наступления ночи, которая – вместо тишины и дохновения – несёт им симфоническую поэму звукового оркестра музыкальных «клепальщиков» (как их зовут в Малороссии): «лишь только ночь своим покровом наш город тихо осенит», как эти артисты начинают щеголять друг перед другом богатством и разнообразием нот, которые они извлекают из своих сторожевых колотушек – орудий пытки средневековых времён! – возмущался Бернштейн на страницах газеты. – Неужели за сто лет существования Балакова нельзя было прийти к убеждению, что ни от одной кражи эти колотушки не предохранили ещё ни одного смертного? И, если

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)**Прачки**

кому этот стук полезен, то только грабителям, давая им точно знать, где в настоящий момент находится охрана! Для контроля же бдительностиочных сторожей в культурных местах имеются более приемлемые методы».

Беспокоило доктора и то, что в Балакове без всякого контроля торговали молоком. На балаковские рынки его приносили из ближайших сёл крестьянки:

«Эти бабы, поставщицы нашего молочного рынка, – прямо феи, ибо коровы их – обыкновенной «тасканской» породы – отличаются необыкновенным удоем: изо дня в день круглый год они дают фантастическое количество продукта, отличающегося от воды белым цветом. Эти коровы не знают передоя, на них не влияет ни качество, ни количество корма, и разве только тогда, когда от великих засух пересыхает вода в колодцах и родниках, молочные феи несколько смущаются. Если бы, например, городское самоуправление взяло на пробу на рынке 2–3 горшка и отослали для анализа в компетентное учреждение, то результаты получились бы изумительные, и «молоко» это оказалось бы состоящим, главным образом, из воды, органических осадков, мелу, вредоносных микробов и т. п. составных частей».

Доктор Бернштейн предлагал возложить хотя бы первичный санитарный надзор на

бое. К этому следует прибавить, что приблизительно в июле вода покрывается извесью.

Другой источник – озеро Линёво – представляет собой настоящую выгребную яму, полную нечистот. В течение лета озеро гниёт и распространяет кругом злонование».

Этому во многом способствовали так называемые торговые бани, открытые на линёвских берегах ещё в конце XIX в. Их было 12. Известно, что за несколько лет до 1914 года они принадлежали крестьянам Кузьмину и Саулину. Бани находились в одном здании. Это было несколько отдельных номеров и два общих отделения: мужское и женское. Номерные топились ежедневно, общие – по пятницам и субботам. В час в банях могло мыться до 200 человек. Один «сеанс» стоил от 50 коп. до 1 р. За банями никакого контроля не осуществлялось, поэтому они находились в антисанитарном состоянии. Вот как докладывал об этом балаковский унтер-офицер в Самарское жандармское управление в 1899 г.:

«Пол от стен на 1/2 аршина сгнил, под полом заметно такое зловонное болото, где заметны даже человеческие спрекции (так в тексте. – Ю.К.). От материки стоит на 1/2 от высоты здание, водопроводных труб вовсе не имеется, грязная вода из-под пола бежит тихо, и больше остаётся на месте подполом, откуда издаёт в воздухе сильное зловоние. Здесь, как в торговом пункте, рабочего люда бывает порядочно, рабочие после усиленного труда не смотрят на нечистоты, а партиями посещают эти бани. После мойки в них замечается сильная головная боль».

Ну и, конечно, на тех же берегах стирали бельё. Так что опасения доктора Бернштейна и других представителей балаковской интеллигенции были вполне обоснованы. К слову, настоящий водопровод с очистными сооружениями в Балакове построили лишь в 60-х гг. XX в.

Юрий КАРГИН
Продолжение следует